

A romantic couple is shown in profile, facing each other closely. The man has dark, wavy hair and a beard, wearing a black shirt. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a dark red, off-the-shoulder top. They are set against a background of mountains at dusk or dawn, with a city skyline visible in the distance. The scene is filled with falling pomegranate seeds and glowing golden particles. In the bottom corners, there are images of pomegranates, one cut open to show the seeds.

Ната Рачевская

Сердце
из
горного камня

Ната Рачевская

Сердце из горного камня

<https://litres.ru/74018321>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арам Ваагнян — идеальный сын своей гордой и традиционной семьи. Его будущее расписано до мелочей: диплом престижного вуза, семейный бизнес и невеста, которую одобрили родители. В его жизни нет места случайностям и глупым бунтам. Пока на заснеженной парковке университета в него чуть не врежется обычная русская девчонка с глазами цвета грозового неба.

Лиза не верит в сказки и держится от таких парней, как Арам, подальше. Он — огонь, который выжигает все дотла. Она для него — запретное пламя, способное разрушить вековые узы его рода. Они из абсолютно разных миров. Между ними — глухая стена чужих ожиданий, строгих традиций и старинных семейных тайн.

Говорят, мужчины из рода Ваагнян любят лишь однажды, но их любовь приносит либо великое счастье, либо пепел. Сможет ли Арам пойти против воли семьи, когда на кону стоит сердце той, без которой он больше не может дышать?

Содержание

Глава 1. Закон падающей снежинки	4
Глава 2. Тяжесть отцовского камня	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ната Рачевская

Сердце из горного камня

Глава 1. Закон падающей снежинки

Лиза

Говорят, в Сибири снег падает с благозвучным хрустом, будто кто-то крошит хрустальные бокалы, а в горах он ложится на скалы с глухим, царственным вздохом. В нашем городе у снега не было характера. Он просто шмякался на лобовое стекло старенького серого «фольксвагена», превращаясь в грязную кашу, которую насмерть заезженные дворники размазывали с унылым, истошным скрипом.

— Ну давай же, миленький, ну не подводи, — я сильнее сжала пальцами руль, обтянутый копеечной пушистой оплеткой. Оплетку мне подарила Танька на прошлый день рождения, уверявшая, что розовый искусственный мех притягивает в жизнь владелицы если не миллионеров, то хотя бы удачу на зачетах.

Миллионерами на парковке нашего университета и не пахло. Зато удача мне бы сейчас точно не помешала. Занятия закончились сорок минут назад, но вместо того, чтобы

греться в уютной библиотеке или пить приторный латте из автомата, я сидела в насквозь промерзшем салоне и пыталась выехать из ледяного плена. Нашу университетскую стоянку не чистили, кажется, со времен основания самого вуза. Накатанный колесами сотен машин лед покрылся утренней снежной кашей, превратив выезд в полосу препятствий для экстремалов.

Я снова выжала сцепление, аккуратно переключила передачу на первую и плавно — как учили в автошколе, честное слово, как самый прилежный сурок! — нажала на педаль газа.

«Фольксваген» натужно взвыл. Колеса бешено прокрутились на месте, поднимая фонтан грязной ледяной крошки, но машина даже не сдвинулась. Наоборот, ее корму едва заметно, но ощутимо повесло влево. Прямо в сторону огромного, вызывающе чистого и пугающе дорогого черного внедорожника, который заменял собой половину скромного бюджета нашей кафедры журналистики.

— Прекрасно. Просто великолепно, Лиза. Ты обязательно найдешь неприятности даже там, где их физически быть не может, — пробормотала я себе под нос, чувствуя, как от напряжения под пуховиком начинает покалывать кожу.

Я заглушила мотор. В салоне тут же воцарилась звенящая, давящая тишина, нарушаемая лишь моим собственным тяжелым дыханием. Руки в тонких вязаных перчатках подрагивали. Самое обидное, что этот черный монстр — кажет-

ся, это был новенький «Порше Кайен» с матовым покрытием, на котором снежинки таяли, едва коснувшись капота — встал здесь буквально полчаса назад. Встал по-королевски, наплевав на разметку, перегородив половину свободного пространства для маневра. Его хозяин явно не заботился о таких приземленных вещах, как чужие траектории движения.

Я глубоко вздохнула, пытаясь успокоить бешено заколотившееся сердце. Анна Джейн в своих романах всегда писала, что у каждого человека есть момент, когда его привычный, серый мир дает трещину, и сквозь нее начинает проглядывать чужая, пугающая и манящая реальность. Моя реальность сейчас пахла освежителем воздуха «Новая машина» из дедовского запаса, дешевым бензином и неминуемой катастрофой.

Я толкнула дверцу и вышла наружу. Ледяной январский ветер тут же бесцеремонно швырнул мне в лицо пригоршню колкого снега. Я сильнее закуталась в свой безразмерный шарф, который Танька ласково называла «гнездом анаконды», и подошла к колесу. Ну конечно. Левое заднее намертво село в глубокую обледенелую лунку. Выехать без посторонней помощи — утопия.

В этот момент двери главного корпуса университета распахнулись. На крыльцо вывалилась шумная компания старшекурсников. Они смеялись, переговаривались, от них даже на расстоянии веяло той особой, лощенной уверенностью, ко-

торая бывает только у людей, чье будущее обеспечено на три поколения вперед. В центре этой группы шел он.

Я замерла, так и оставшись стоять согнувшись у колеса своего несчастного авто.

Арам Ваагнян. Имя, которое на нашем потоке произносили либо с придыханием, либо с глухой, бессильной завистью. Я видела его на общих лекциях по экономике, когда наши потоки объединяли в огромной поточной аудитории. Он всегда садился на самые верхние ряды, окруженный свитой, и никогда не записывал лекции. Ему это было не нужно. Про таких, как он, девчонки в общежитии шептались по ночам, разбирая по косточкам каждый жест, каждый взгляд. Высокий, с резкими, словно высеченными из темного горного камня чертами лица, густыми смоляными волосами, которые он никогда не прятал под шапку, и глазами... Глаза у него были странные. Не просто карие, а какие-то янтарно-темные, тяжелые. Когда он смотрел на кого-то, казалось, что человек автоматически попадает под прицел.

Сегодня на нем было строгое черное пальто с поднятым воротником, идеально сидящее по фигуре, и тяжелые кожаные ботинки. Настоящий хозяин жизни. Граф, случайно заглянувший в провинциальный университет. Компания направилась напрямик к парковке. К тому самому черному матовому «Порше».

«О нет. Только не это. Пожалуйста, пусть это будет машина его друга», — мысленно взмолилась я, пятясь назад и при-

жимаясь спиной к мокрой двери своего «фольксвагена».

Но вселенная сегодня явно решила развлечься за мой счет. Арам небрежным жестом достал из кармана пальто брелок. Фары «Порше» коротко мигнули, приветствуя хозяйина мягким диодным светом. Друзья что-то крикнули ему на прощание, парень в ответ лишь коротко кивнул — сдержанно, без лишних эмоций — и направился к водительской двери. Он шел размашистым, уверенным шагом, даже не глядя под ноги. Вся эта ледяная каша, в которой я только что едва не оставила подошву сапога, для него словно не существовала. И тут его взгляд упал на мою машину. Точнее, на то, как близко моя ржавая корма оказалась к его безупречному левому крылу. Арам остановился. На его породистом лице не отразилось ни испуга, ни злости — лишь легкое, брезгливое недоумение, какое бывает у человека, обнаружившего на своем дорогом костюме надоедливое насекомое.

— Это твое? — голос у него оказался глубоким, бархатистым, но с такой плотной, морозной текстурой, что у меня внутри все окончательно заледенело. Он даже не посмотрел на меня — его взгляд был прикован к опасному сантиметровому зазору между нашими машинами.

— Мое, — я постаралась, чтобы мой собственный голос прозвучал твердо, но получилось какое-то невнятное пищание. Я кашлянула и повторила громче:

— Да, это моя машина. И если бы вы, молодой человек, парковались по правилам, а не как король бензоколонки,

проблемы бы вообще не возникло!

Вот тут он повернул голову. Медленно, с легким прищуром. Я буквально кожей ощутила, как меня накрыло волной чужой, подавляющей энергетики. Вблизи он казался еще больше, еще недостижимее. От него пахло дорогим парфюмом с нотками табака, сандала и чего-то острого, напоминающего специи. Гранат? Нет, скорее что-то древесное, тяжелое.

— Как ты меня назвала? — Арам сделал шаг в мою сторону. Всего один шаг, но мне захотелось немедленно провалиться сквозь этот проклятый лед на самый нижний уровень ада.

На его правой руке, которую он вынул из кармана, я заметила массивный перстень. Странное, явно старинное украшение из темного серебра с огромным, почти черным камнем, похожим на каплю запекшейся крови. Этот перстень совершенно не вязался с его современным, ультрамодным образом, но почему-то смотрелся на его длинных, сильных пальцах невероятно органично.

— Что слышал, — храбрость, родившаяся из чистейшего, первородного отчаяния, внезапно заставила меня сделать шаг навстречу. Я вздернула подбородок, хотя макушкой едва доставала ему до плеча. — Вы перекрыли мне выезд. Моя машина застряла. Если я сейчас нажму на газ, меня снесет прямо в вашу драгоценную дверь. Так что вместо того, чтобы включать режим высокомерного сноба, мог бы просто по-

мочь!

На несколько секунд на парковке повисла такая тишина, что было слышно, как шуршат падающие снежинки. Арам смотрел на меня так, словно я заговорила на древнешумерском. Его брови слегка поползли вверх. Похоже, в этом университете, да и вообще в жизни, никто и никогда не разговаривал с Арамом Ваагняном в таком тоне. Его друзья обычно заглядывали ему в рот, девчонки глупо хихикали, а преподаватели вежливо кивали, зная, кто его отец.

— Помочь? — переспросил он, и в его глазах на мгновение вспыхнула странная, насмешливая искра. Словно огонек зажигалки в темноте. — Тебе?

— Представь себе, — я скрестила руки на груди, изо всех сил стараясь не дрожать от холода. — Здесь мужчины обычно помогают девушкам, если те попали в беду. Или в твоём кодексе чести написано, что помогать можно только владельцам машин от десяти миллионов?

Его взгляд потемнел. Веселье исчезло, сменившись тяжелым, глухим раздражением. Он сделал еще полшага, сокращая расстояние между нами до какого-то непозволительного минимума. Я почувствовала, как тепло, исходящее от него, вступает в отчаянную борьбу с окружающим нас морозом.

— Слушай меня сюда, — тихо, но так, что каждое слово впечаталось мне в сознание, произнес он. — Во-первых, я паркуюсь там, где считаю нужным. Во-вторых, если твое ведро с гвоздями поцарапает мою машину, ты будешь отра-

батьвать ремонт до конца магистратуры. А в-третьих... убирайся отсюда. Сама.

Он развернулся, намереваясь сесть в свой внедорожник. Это было так несправедливо, так обидно и так... по-гадски, что у меня внутри словно оборвался какой-то невидимый тросик. Все накопленное за день напряжение — дурацкий зачет по зарубежке, промерзшие ноги, дурацкая машина — выплеснулось наружу.

— Да чтоб ты провалился со своим корытом! — крикнула я ему в спину, совершенно потеряв контроль над эмоциями. — Эгоист несчастный! Камень ты, а не человек! Настоящий горный булыжник!

Арам замер с протянутой к ручке двери рукой. Его плечи под черным сукном пальто заметно напряглись. На секунду мне показалось, что воздух вокруг него стал горячим — настолько, что падающий снег начал превращаться в пар, не долетая до его плеч. Это была какая-то оптическая иллюзия, бред замерзающего разума, но перстень на его пальце вдруг блеснул так ярко, словно внутри камня проснулся настоящий, живой уголек.

Он медленно повернулся обратно ко мне. Лицо его было абсолютно непроницаемым, но в глубине янтарных глаз ворочалось что-то древнее, грозное и пугающее. От его взгляда мне захотелось сжаться в комок, но я упрямо продолжала стоять, сжав кулаки.

— Повтори, — очень тихо попросил он. Это была не

просьба. Это был приказ, не терпящий возражений.

— Что надо повторить? Что ты хам? — я сделала шаг назад, потому что инстинкт самосохранения наконец-то подал свой слабый голос. — Отпусти меня, мне ехать надо.

Арам не ответил. Он просто смотрел на меня несколько долгих, невыносимых секунд. В его взгляде уже не было прежнего презрения — там появилось какое-то странное, пристальное внимание, словно он пытался разглядеть во мне то, чего сам не понимал. Затем он сделал то, чего я никак не ожидала. Он резко рванул на себя дверь моего «фольксвагена», бросил быстрый взгляд на приборную панель, на мою пушистую розовую оплетку руля (на мгновение на его губах мелькнула едва заметная, горькая усмешка) и повернулся ко мне.

— Садись за руль, — скомандовал он.

— Что? — захлопала я глазами.

— За руль садись, глухая? — Арам раздраженно дернул плечом и начал снимать свои дорогие кожаные перчатки, сунув их в карман пальто. — Включишь заднюю, когда я скажу. И руль держи прямо. Если дернешь влево — я лично заставлю тебя красить мой бампер зубной щеткой.

Я стояла как вкопанная, не веря своим ушам. Этот парень, этот небожитель, только что собиравшийся стереть меня в порошок, собиравший толкать мою машину?

— Чего стоишь? — рявкнул он, обходя «фольксваген» сзади и упираясь ладонями в грязную, покрытую наледью

крышку багажника. — У меня времени в обрез. Живее!

Я пулей влетела в салон, едва не ударившись коленом о рулевую колонку. Трясущимися руками повернула ключ в замке зажигания. Мотор отозвался привычным, жалобным дребезжанием. Я выжала сцепление, воткнула заднюю передачу и посмотрела в зеркало заднего вида. Арам стоял сзади, слегка расставив ноги для упора. Его пальто было расстегнуто, ветер трепал полы, но он, казалось, вообще не замечал холода. На его лбу прорезалась упрямая складка.

— Давай! Плавно! — крикнул он.

Я аккуратно отпустила педаль и нажала на газ. Колеса снова взвыли, заскользив по льду. Машина задержалась. И в этот момент я почувствовала, как сзади приложилась какая-то невероятная, просто нечеловеческая сила. Старенький «фольксваген» весом больше тонны, намертво засевавший в ледяной лунке, вдруг плавно, словно игрушечный, пошел назад. Я испуганно нажала на тормоз, когда машина выкатилась на относительно ровный участок.

Выскочив из салона, я увидела Арама. Он стоял, тяжело дыша, и рассматривал свои ладони, испачканные в дорожной грязи и копоты от моего глушителя. Его безупречное черное пальто на рукавах тоже пострадало. Но удивительно было другое — его руки. От них действительно шёл едва заметный пар, словно он только что держал горячий чайник. Камень на его перстне медленно угасал, возвращаясь к своему обычному, мертвому бордовому цвету.

— Спасибо... — тихо сказала я, чувствуя, как злость улечивается, оставляя после себя странное, звенящее смущение. — Извини за... булыжник.

Арам поднял на меня глаза. Его дыхание постепенно выравнивалось. Он достал из кармана белоснежный платок, небрежно вытер испачканные ладони и бросил платок обратно в карман. На лице снова застыла привычная маска холодного безразличия.

— Купи нормальную резину, — сухо бросил он, даже не глядя на меня. — И больше не попадайся мне на глаза. Рыжая.

Он развернулся, сел в свой «Порше», и через секунду немецкий мотор отозвался мощным, глухим рыком. Внедорожник плавно тронулся с места, легко преодолевая любые ледяные заносы, и вскоре его черная корма скрылась за поворотом университетских ворот. Я осталась стоять посреди заснеженной парковки. Ветер продолжал кружить снежинки, бросая их мне на лицо. Я коснулась пальцами куртки в том месте, где под ней пряталось сердце. Оно билось как сумасшедшее. Я еще не знала, что по закону падающей снежинки, если однажды траектории двух абсолютно разных миров пересекаются, они уже никогда не смогут разойтись. Я не знала, что этот парень с глазами цвета расплавленного янтаря и сердцем из горного камня станет моим главным кошмаром. И моей единственной, сжигающей дотла любовью.

И уж тем более я не знала, какие мрачные, древние тайны

охраняет его гордый род, и какая древняя, горячая кровь течет в его венах. Я просто села в свою машину, включила печку на максимум и поехала домой, пытаюсь стереть из памяти образ парня, который умел толкать машины силой своего взгляда. Или чего-то гораздо более пугающего.

Арам

Руль «Порше» приятно охлаждал кожу, но мои ладони все еще горели. Настоящий, обжигающий огонь, который я с таким трудом учился контролировать с самого детства, сегодня едва не вырвался наружу из-за какой-то девчонки с нелепым рыжим гнездом из шарфа на шее. Я бросил короткий взгляд на правое пассажирское сиденье, где лежал мой телефон. Экран мигал — отец звонил уже в третий раз. Я тяжело вздохнул и нажал кнопку ответа на руле.

— Да, отец, — сказал я по-армянски, стараясь, чтобы голос звучал максимально спокойно и почтительно.

— Арам, ты где? — голос Левона Ваагняна, как всегда, звучал весомо, раскатисто, словно гром над ущельем. — Мы ждем тебя в ресторане. Дядя Самвел приехал, привез новости из Еревана. И Карине с родителями уже здесь. Не заставляй людей ждать. Ты старший сын, ты лицо нашего рода.

— Я уже еду, отец. Буду через десять минут, — ответил я, поворачивая на главный проспект.

— Хорошо. Иними этот свой перстень, когда будешь садиться за стол. Карине не должна видеть его сейчас. Всему свое время, сын. Кровь Ваагнянов должна говорить тогда,

когда это нужно, а не на студенческих стоянках.

Я вздрогнул. Откуда он... Ах да, отец всегда знал все. Или просто чувствовал. Я отключил связь и посмотрел на свою правую руку. Темное серебро, старинная вязь, которую не смог бы прочесть ни один лингвист в этом городе, и глубокий, налитый кровью гранат. Перстень Драконоборца. Знак того, что наш род — не просто успешные бизнесмены, приехавшие покорять северные земли. Мы хранили то, о чем люди давно забыли, превратив в сказки и мифы.

Я вспомнил лицо той девчонки на парковке. Лиза. Кажется, её зовут Лиза, я слышал, как её окликали подруги в коридоре. Глаза цвета грозового неба, злые, гордые и совершенно бесстрашные. Она назвала меня «горным булыжником». Если бы она только знала, насколько близка была к истине. Мужчины моего рода действительно сделаны из камня и огня. И этот огонь иногда уничтожает тех, кто подходит слишком близко.

Я нажал на газ, заставляя машину лететь сквозь январскую метель. Мне нужно было забыть эту глупую встречу. Впереди меня ждал ужин, традиции, одобренная семьей невеста и будущее, в котором не было места рыжим девчонкам на старых серых машинах. Но ладони все еще продолжали гореть, а в ушах до сих пор стоял ее звонкий, возмущенный голос.

Глава 2. Тяжесть отцовского камня

Арам

Запах запеченной баранины, специй, дорогого коньяка и тяжелого, удушливого парфюма — этот коктейль всегда ассоциировался у меня с большими семейными застольями. Ресторан «Арарат», принадлежавший близкому другу моего отца, сегодня был закрыт на спецобслуживание. Для чужих. Для своих же двери распахивались с той кавказской широтой, которая непосвященному человеку могла показаться сказкой, а для меня давно стала привычной, душной клеткой.

Я стоял перед огромным зеркалом в туалетной комнате, разглядывая свое отражение. Наглаженная белая рубашка, дорогой итальянский костюм, купленный по настоянию матери. Всё безупречно. Всё так, как подобает старшему сыну Левона Ваагняна.

Я опустил взгляд на свои руки. Пальцы до сих пор подрагивали, а внутри ладоней, прямо под кожей, зудело томительное, покалывающее тепло. Это была остаточная энергия. Та самая сила, которая полчаса назад едва не превратила ржавый замок на капоте чужого «фольксвагена» в жидкое месиво.

«Камень ты, а не человек! Настоящий горный булыжник!» — прозвенел в ушах её возмущенный, срывающийся

на писк голос.

Я невольно усмехнулся, глядя в зеркало. Дерзкая. Сумасшедшая рыжая девчонка, которая даже не поняла, насколько близко подошла к краю. Если бы я потерял контроль хотя бы на секунду, если бы мой внутренний огонь вырвался наружу в полную силу, от её старой машины остался бы только оплавленный каркас. Мужчины из рода Ваагнян веками учились гасить этот жар, прятать его за маской ледяного высокомерия и безупречных манер. Но сегодня эта девчонка умудрилась расколоть мою маску всего парой фраз.

Я вздохнул, снял с пальца массивный перстень с потемневшим гранатом и опустил его в глубокий внутренний карман пиджака. Как и просил отец. Этот перстень — не просто семейная реликвия. Это фокусник, громоотвод для той древней крови, что текла в наших венах со времен, когда боги еще ходили по каменистым дорогам Айастана. Карине не должна его видеть. Во всяком случае, не сегодня. Она — девушка из приличной, светской семьи. Её отец — крупный застройщик в Ереване, давний партнер моего отца. Они мыслят категориями кубических метров бетона, банковских счетов и акций. О мифологии и древних клятвах они помнят лишь на уровне красивых тостов за праздничным столом.

Я толкнул тяжелую дубовую дверь и вышел в банкетный зал.

Здесь царило оживление. За огромным столом, ломившимся от хачапури, зелени, сыров и мясных нарезок, си-

дело не меньше двадцати человек. Мужчины в строгих костюмах громко переговаривались, жестикулируя, женщины в элегантных платьях сидели чуть поодаль, ведя свои тихие, степенные беседы.

Во главе стола, разумеется, восседал мой отец — Левон Ваагнян. Крупный, широкоплечий мужчина с седеющей густой бородой и точно такими же, как у меня, тяжелыми, янтарно-карими глазами. Когда я вошел, его взгляд мгновенно зафиксировал меня. Он не улыбнулся, лишь едва заметно кивнул, показывая, что моё опоздание зафиксировано, но публичной порки не будет. Пока что.

— А вот и наш жених! Наша гордость! — громогласно объявил дядя Самвел, коренастый мужчина с золотыми часами на запястье, поднимаясь с бокалом в руке. — Арам, дорогой, иди сюда! Садись рядом с Карине. Мы как раз говорили о твоих успехах в университете!

Я вежливо улыбнулся, со всеми поздоровался, обменялся крепкими рукопожатиями с мужчинами и прошел к своему месту. Карине сидела по правую руку от меня. Она действительно была красивой. Классическая восточная красота: огромные, как спелые маслины, глаза, обрамленные густыми черными ресницами, идеально уложенные темные волосы, шелковое платье скромного, но дорогого пастельного оттенка. От неё пахло нежным, сладковатым ароматом жасмина и ванили. Полная противоположность той рыжей буре в бесформенном пуховике, от которой разило мокрым снегом,

дешевым бензином и морозным ветром.

— Привет, Арам, — тихо сказала Карине, чуть опустив глаза. В её голосе была та самая правильная, воспитанная скромность, которую так ценили старшие.

— Привет, Карине. Рад тебя видеть. Как долетели? — я постарался вложить в свой голос максимум тепла, но внутри всё равно оставался холодным и отстраненным.

— Спасибо, хорошо. Папа немного волновался из-за погоды, у вас тут настоящая зима. В Ереване сейчас гораздо теплее, — она улыбнулась, и на её щеках появились аккуратные ямочки.

Она была идеальной. Любой парень из нашего окружения посчитал бы за счастье оказаться на моем месте. Умная, воспитанная, из прекрасной семьи, знает традиции, уважает старших. Наше будущее было предreshено ещё пару лет назад, когда отцы скрепили союз своими рукопожатиями. Это был правильный, логичный брак, который должен был укрепить позиции нашей семьи как в России, так и на родине. Но почему, глядя на неё, я не чувствовал ровным счетом ничего, кроме глухой, давящей ответственности?

— Левон, посмотри на них! — рассмеялся отец Карине, дядя Гагик, обращаясь к моему отцу. — Какая пара! Дай Бог, осенью сыграем такую свадьбу, что весь Ереван содрогнется!

— Дай Бог, Гагик, дай Бог, — степенно ответил мой отец, поднимая свой бокал с янтарным коньяком. — Арам — старший сын. Он знает свой долг. Он продолжит мое дело здесь,

а Карине станет украшением его дома. За молодежь!

Все дружно поддержали тост, зазвенели хрустальные бокалы. Я пригубил вино, чувствуя, как оно терпким узлом завязывается в горле. «Долг». Это слово я слышал с трех лет. Мой долг — учиться лучше всех. Мой долг — не ввязываться в глупые драки, потому что моя сила может покалечить обычного человека. Мой долг — жениться на той, кого выберет семья.

Я перевел взгляд на самый край стола. Там, в глубоком кресле, сидел мой дедушка — Саркис Ваагнян. Самый старший член нашего рода. Ему было далеко за восемьдесят, его лицо напоминало иссушенную солнцем и ветрами горную скалу, покрытую глубокими трещинами-морщинами. Он почти не ел, не пил вина и редко участвовал в общем веселье. Но его глаза... Они оставались пугающе живыми. Древними, как сами горы.

Дед Саркис смотрел прямо на меня. Он единственный из всех не поднимал бокал. Он перевел взгляд на мой пиджак — туда, где в кармане лежал перстень, а затем снова посмотрел мне в глаза. В его взгляде не было осуждения. Там было странное, горькое понимание. Он словно видел меня насквозь, знал про ту вспышку магии на парковке, знал про рыжую девчонку и про то, как отчаянно сейчас бунтует моя кровь.

— Арам, ты почему ничего не ешь? — заботливо спросила моя мама, Анаит, сидевшая напротив. — Попробуй дол-

му, Сусанна сегодня превзошла себя.

— Спасибо, мам, я не очень голоден, — ответил я, накладывая себе на тарелку немного зелени и сыра, просто чтобы не привлекать лишнего внимания.

Карине аккуратно повернулась ко мне, воспользовавшись тем, что старшие увлеклись обсуждением нового строительного проекта в пригороде.

— Арам, ты какой-то уставший. Проблемы в университете? — в её глазах мелькнуло искреннее беспокойство.

— Нет, всё в порядке. Просто сессия на носу, много работы по диплому, — соврал я, не моргнув и глазом.

— Папа говорил, что после окончания ты сразу возглавишь филиал компании здесь. Это такая ответственность. Если тебе нужна будет помощь... Ну, перевести что-то или систематизировать бумаги, я хорошо владею программами. Я бы могла помочь.

Она предлагала это так искренне, так правильно, пытаюсь быть полезной своему будущему мужу. Я почувствовал укол совести. Карине ни в чем не виновата. Она заслуживала парня, который будет смотреть на неё с восхищением, который будет дарить ей цветы и писать стихи. А я смотрел на неё и видел лишь пункты бизнес-плана, одобренного нашими родителями.

В этот момент в моей голове снова вспыхнул образ Лизки. Как она стояла, замерзшая, со своим нелепым огромным шарфом, и кричала на меня, размахивая руками. Она не зна-

ла, кто я такой. Ей было плевать на статус моего отца, на мой «Порше» и на то, сколько стоит мой костюм. Она видела во мне просто человека. Хама, эгоиста, «горного булыжника» — но настоящего. Живого.

От этих мыслей ладони снова обожгло. Я незаметно сжал кулаки под столом, пытаюсь подавить волну жара.

— Извините, я выйду на минуту, подышу воздухом, — сказал я, поднимаясь со своего места.

Отец на секунду прервал разговор с дядей Гагиком и бросил на меня тяжелый, предостерегающий взгляд. Я ответил ему спокойным, почтительным поклоном головы, показывая, что всё под контролем, и направился к запасному выходу из ресторана, который вел во внутренний дворик.

На улице метель разыгралась с новой силой. Ледяной воздух мгновенно ударил по легким, принося долгожданное облегчение. Я вышел на крыльцо, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и подставил лицо летящему снегу. Снежинки падали на мою кожу и мгновенно таяли, превращаясь в крошечные капли воды.

Я достал из кармана перстень и надел его на палец. Камень тут же отозвался — потемневший гранат едва заметно пульсировал, забирая в себя излишки моего внутреннего тепла. Стало легче. Зуд под кожей утих.

— Огонь Ваагнянов трудно спрятать в шелковый карман, верно, внук? — раздался сзади тихий, скрипучий голос.

Я обернулся. На крыльцо, опираясь на свою старую дере-

вянную трость, медленно вышел дед Саркис. На нем не было куртки — только старый шерстяной жилет поверх рубашки, но он, казалось, вообще не замечал сибирского мороза.

— Дедушка, тебе нельзя на холод, — я сделал шаг к нему, пытаясь придержать его за локоть, но дед со сдержанной силой отстранил мою руку.

— Мой холод остался далеко в горах, Арам. Этот здешний снег — просто мокрая трава по сравнению с тем, что я видел в молодости, — старик подошел к перилам и посмотрел на бушующую метель. — Ты сегодня выпускал силу. Я чувствую запах гари от твоих рук. Что случилось?

Я помолчал, не зная, стоит ли говорить правду. Но лгать деду Саркису было бесполезно — он видел скрытый мир гораздо четче, чем все мы.

— Ничего особенного, дед. Просто глупая ситуация на парковке. Застряла машина... Пришлось помочь. Сила сама дернулась, я едва успел её удержать. Дед Саркис тихо хмыкнул, и этот звук напомнил мне хруст сухих веток под ногами.

— Машина застряла, говоришь? Или сердце твое застряло в чужих камнях? — он повернул ко мне свое мудрое лицо. — Я видел, как ты смотришь на Карине. Она хорошая девочка. Из хорошего дома. Но в её жилах течет обычная, спокойная вода. А в твоих — огонь. Огонь и камень нашего древнего рода. Ты можешь сколько угодно носить эти дорогие костюмы, Арам, но ты не сможешь обмануть свою кровь.

— У меня есть долг перед отцом. Перед семьей, — тихо,

но твердо сказал я, глядя в темноту двора.

— Я старший сын. Я не могу подвести отца.

Дед Саркис положил свою сухую, мозолистую ладонь мне на плечо. Его пальцы были удивительно горячими, несмотря на мороз.

— Левон строит дома из бетона и стекла, — тихо произнес дед. — Он думает, что миром правят деньги и контракты. Он забыл, почему наш род носит имя Ваагна. Мы не просто строители, Арам. Мы — стражи. Мы те, кто удерживает равновесие между этим миром и тем, что скрыт в тумане древних гор. И если ты предашь свой внутренний огонь, если затушишь его ради спокойной, правильной жизни — твой камень расколется. И тогда ни один дом, построенный твоим отцом, не устоит.

— Что ты имеешь в виду, дед? — я нахмурился, чувствуя, как слова старика отзываются странной, тревожной вибрацией в самой глубине души.

— Придет время — поймешь, — дед постучал тростью по обледелой доске крыльца. — Помни одно: мужчины нашего рода любят лишь однажды. И эта любовь никогда не бывает легкой. Она приходит как кара, как испытание огнем. И если ты встретишь ту, от чьего взгляда твоя кровь закипает без твоего ведома — не пытайся бежать. От этого огня не спасут никакие стены. Даже отцовские.

Старик развернулся и так же медленно, стуча тростью, ушел обратно в тепло ресторана. Я остался один на крыльце.

Метель продолжала бушевать, замечая мои следы. Я посмотрел на перстень на своем пальце. Камень внутри него теперь казался абсолютно черным, словно впитав в себя все мрачные пророчества деда.

«Мужчины нашего рода любят лишь однажды...»

Всё это сказки. Старинные легенды, которые дед любит рассказывать, тоскуя по родине. Я современный человек. Я живу в двадцать первом веке, учусь на экономическом факультете и скоро стану вице-президентом крупной компании. Моя жизнь расписана по пунктам, и в ней нет места мистическим проклятиям и безумной, разрушительной любви.

Но когда я открывал дверь, перед моими глазами снова — уже в какой раз за этот вечер — промелькнули серые глаза цвета грозового неба, полные ярости и непонятого, пугающего вызова. И в этот момент я впервые в жизни почувствовал настоящий, первородный страх. Страх перед тем, что моё идеальное будущее может оказаться всего лишь карточным домиком, готовым рухнуть от одного единственного дыхания рыжей девчонки с университетской парковки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.